

УДК 930.85+82.09

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.127136

ДОХОДНОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ: О ПИСАТЕЛЯХ-ХАЛТУРЩИКАХ И ИХ ЗАКАЗЧИКАХ В ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ

Воробьева Мария Владимировна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат культурологии, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Аннотация

В статье изложены результаты анализа произведений советской сатиры и литературной критики второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Воссозданы стратегии игроков разного масштаба, действовавших на поле литературы, основные типы писателей-халтурщиков, главной целью которых было извлечение дохода из литературы, причины появления некачественной литературной продукции в печати.

Ключевые слова:

писатели-халтурщики, идеологическая конъюнктура, советская сатира, советская литературная критика, литературный процесс 1920–1930-х годов.

После завершения Гражданской войны и образования СССР наиболее сильным игроком на политическом поле страны стало советское государство. Его доминирование проявилось на всех других площадках социальной жизни, включая литературу. Конечно, государство не было единственным игроком и заказчиком в области литературы. В роли других игроков и заказчиков вы-

ступали различные ведомства и организации, например, творческие союзы, издательства и редакции журналов, литературные отделы театров. Но именно государство навязывало правила игры всем остальным, требуя от литературной продукции прежде всего соответствия официальной идеологии, политике и так называемой «злобе дня».

Как именно, при помощи каких инструментов государство навязывало свою идеологию, какие последствия для литературы имела подобная политика, достаточно подробно разобрано в многочисленных исследованиях, посвящённых советской литературе разных периодов [см., к примеру, 2; 7; 11]. Однако игрокам других уровней уделено меньше внимания. Исследование, лёгшее в основу данной статьи, призвано отчасти заполнить существующую лакуну. Наряду с этим нас интересуют способы, руководствуясь которыми часть игроков извлекала из литературы доход [отчасти тема затронута в: 1; 2; 13; об экономических отношениях в Союзе художников, во многом устроенном по модели Союза писателей, см. 16]. Общая цель статьи – воссоздать наиболее типичные стратегии игроков разного масштаба, продемонстрировать взаимозависимость и трансформации стратегий в аспекте возможностей извлечения дохода из литературной деятельности.

Обозначим хронологические рамки нашего исследования. С одной стороны располагается 1925 год, ознаменованный выходом Постановления Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы». Это постановление декларировало начало культурной революции, констатировало наличие классовой борьбы в молодой советской литературе и владение пролетариатом чёткими критериями оценки содержания литературы. Вместе с тем, партия в лице ЦК Политбюро отказывалась солидаризироваться с каким-либо одним литературным направлением, провозглашая в области формы свободу соревнования разных литературных группировок [11, с. 79–80; 14]. С другой стороны мы поместили 1932–1934 годы, связанные с двумя важными для литературы событиями. Первым было издание Постановления ЦК Политбюро ВКП (б) 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». Постановление 1932 года ликвидировало литературные группировки и создало Союз советских писателей (ССП) [11, с. 209–210; 15]. Таким образом в области литературы оказалась упразднена провозглашённая семь лет назад свободная конкуренция и появилась единственная авторизованная ВКП (б) группировка, поставившая все остальные группировки в нелегальное положение. Вторым событием выступило проведение I-го Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 году. Съезд реализовал на практике Постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» в части основания ССП, утвердив его руководящие органы и устав.

У игроков разного масштаба, действующих на литературном поле, к завершению 1920-х годов сложились разные стратегии приспособления к правилам игры, заданным государством. Для выявления и анализа этих стратегий мы обратились к материалам литературной сатиры (прежде всего – к жанрам фельетона и рассказа) и литературной критики (журнально-публицистической и литературоведческой). Поскольку корпус текстов сатиры того времени довольно объёмен, мы ограничились анализом произведений наиболее извест-

ных и востребованных авторов – И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, В. П. Катаева и М. М. Зощенко. Что касается критики, то подход был следующим: рассматривались статьи лидеров самых крупных литературных группировок (ЛЕФ, РАПП, «Перевал», переверзевская школа). Основные методы, задействованные в исследовании, – метод контент-анализа и метод дискурс-анализа.

Контекст изученных произведений сатиры и литературно-критических статей даёт возможность условно поделить игроков литературного поля на две категории – исполнителей и заказчиков. К первой категории относились писатели. Писатели могли выступать в составе литературных группировок, но также могли до 1932 года выстраивать литературную карьеру единолично. Ко второй категории игроков – к игрокам-заказчикам – относились разнообразные организации: издательства (государственные и частные до конца 1920-х годов, после только государственные); редакции журналов разнообразной направленности; другие организации, не связанные с издательской деятельностью, но желавшие, чтобы их производственная тематика была отображена в литературе; представители театров, кинофабрик, мюзик-холлов. Писатели предлагали свою продукцию в надежде на успешный сбыт и получение прибыли. Заказчики имели потребность печатать литературную продукцию постоянно или к случаю, например, к очередной годовщине Октябрьской революции. Потребность заказчиков напечатать литературную продукцию оказывалась не менее насущной, чем потребность писателей её сбыть, поэтому стороны нуждались в сотрудничестве.

Слово критики

В результате знакомства со статьями наиболее известных лидеров литературных группировок (всего 28 статей) напрашивается вывод, что тема извлечения дохода из литературы критиками напрямую не обсуждалась. Зато косвенно присутствие данной темы заметно в её изводе, а именно, теме литературной халтуры (8 статей из 28 изученных).

Ещё в 1923 году за пределами исследуемого нами периода ЛЕФовский критик М. Ю. Левидов писал, что следствием Октябрьской революции должно стать организованное упрощение культуры, и это последнее является завоеванием революции. М. Ю. Левидов считал производство суррогатов от искусства не просто нормальным, но желаемым, таким образом, косвенно оправдывая и халтуру, которая в определённой мере является суррогатом [10, «*Организованное упрощение культуры*», с. 331]. В том же 1923 году А. К. Воронский, редактор журнала «Красная новь» и вдохновитель литературной группы «Перевал», признал наличие идеологического приспособленчества и производства халтуры в поэзии [10, «*Искусство как познание жизни и современность*», с. 212]. В 1931 году положение не изменилось – генеральный секретарь РАПП Л. Л. Авербах поднял вопрос об искренности в художественном творчестве, говоря о халтуре, приспособленчестве и версификаторстве, «которые наблюдаются по всему фронту поэзии» [12, «*За художественное качество*», с. 437]. Он предложил считать приспособленчество формой наступления классового врага, а не формой мимикрии, и драться «за перестройку, но против пристройки» [12, с. 437].

Вскоре и сами производители литературной халтуры удостоились пристального внимания: А. К. Воронский произвел анализ типа литературного халтурщика, его социальных масок, мотивов деятельности, причин успеха [12, «Пролазы и подхалимы», с. 184–188]. По словам Воронского, литературный халтурщик не имеет собственных убеждений, конъюнктурен, постоянно следит за изменением обстановки, готов моментально перестраиваться. Единственное, что его действительно интересует – это гонорар. Рецепт успеха литературного халтурщика – в создании идеологически выдержанных текстов, безупречных именно с позиции идеологии (отпустить «полфунта Кремля» [12, с. 187]). Халтурщики носят личину критиков, рецензентов и художников, а масштаб распространения таков, что хотя пока они не делают погоды в литературе, но уже ощутимо на неё влияют [12, с. 188].

Кто же виноват в появлении и успехе халтуры? На сей счёт мнения критиков разделились. Другой представитель «Передела» А. З. Лежнёв уловил снисходительное отношение ЛЕФа к суррогатным продуктам культуры и обвинил последний в способствовании производству халтуры. Согласно мысли А. З. Лежнёва, в советской литературе имеет место халтура и «писание по тезисам» (то есть, в соответствии с идеологическими постулатами) [10, «Дело о трупе», с. 261]. Вина за это лежит на ЛЕФе в лице разных его представителей, которые на уровне литературной теории уделяют писателю весьма скромное место иллюстратора идеологических тезисов, утверждая раздельность существования литературы и идеологии [10, с. 262–265, с. 267]. Представитель РАПП Н. Я. Берковский, однако, высказал иную точку зрения относительно виновников производства халтуры. В качестве таковых им названы не представители других литературных группировок, но писатели-попутчики [10, «Борьба за прозу», с. 123–152]. Берковский образно сравнил литературу с хозяйством и выделил внутри неё два сектора – плановый и анархический. К плановому он относит РАПП и ЛЕФ по причине наличия у них программ литературного развития и чётко намеченных перспектив. Анархический сектор составляют писатели-«попутчики», карьеры которых представляют собой «сплошную авантюру» [10, с. 123]. Как же именно «мелкие начинатели, предприниматели» (среди них Берковский называет Ю. К. Олешу, И. Г. Эренбурга и Б. А. Пильняка) продвигают свои произведения [10, с. 128]? Сперва они завоевали доверие читателей лояльностью к революции, а потом, используя сложившуюся репутацию, начали публиковать произведения совсем иного характера [10, с. 123–125]. Подобное обвинение весьма характерно для РАПП, которая к 1930 году вообще отказалась от поддержки попутчиков, выдвинув лозунг «Не попутчик, но союзник или враг» [7, с. 153; 9]. Третья позиция относительно виновников появления литературной халтуры в печати принадлежит А. К. Воронскому. Он полагал, что виновниками выступают, во-первых, редакторы, которые в силу человеческих слабостей (художественной безграмотности, бестолковости, безвкусицы, слабости) принимают в печать продукцию низкого качества [12, «Искусство видеть жизнь», с. 372]. Во-вторых, виноваты критики, поощряющие появление подобной продукции в печати, не в состоянии отличить подлинность от конъюнктурного приёма [12, «Пролазы и подхалимы», с. 187–188].

Итак, одни критики считали производство литературных суррогатов нормальным и не анализировали это как проблему. Другие признавали проблему наличия халтуры и приспособленчества в советской литературе, но видели разные причины данного явления. Однако итог хочется подвести примечательным высказыванием В. Ф. Переверзева относительно теории социального заказа: «Мы вовсе не обращаемся с заказом ни к лефовцам, ни к вапповцам, мы просто, как власть имущие, приказываем петь тем, кто умеет петь нужные песни, и молчать тем, кто их не умеет петь» [10, *«Печать и революция»*, с. 185]. Претензии Переверзева на идентификацию с властью очень скоро потерпят крах, его позиция будет подвергнута уничижительной критике, но сформулированная им суть теории социального заказа и сам подход к производству литературной продукции останутся неизменными.

Слово сатиры

Что касается сатиры, то она, в отличие от критики, не чуждалась темы извлечения дохода из литературы и достаточно пристально вглядывалась в фигуры литературных халтурщиков. Сквозь призму этого нами были проанализированы юмористические и сатирические произведения М. М. Зощенко, В. П. Катаева, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова за период 1925–1935 годов (всего 22 текста).

На основе изучения материалов сатиры мы воссоздали три типа литературного халтурщика. К первому типу относится писатель-халтурщик, который пытается сделать литературу средством дополнительного или, в зависимости от обстоятельств, основного заработка. К занятиям литературой халтурщиков первого типа принуждает тяжёлое материальное положение и желание его улучшить. Собственно, это не писатели, а те, кто решил себя попробовать в литературе. Мотивация их обращения к литературе – необходимость обеспечения выживания [5, *«Великий лагерь драматургов»*; 6, *«Я, в общем, не писатель»*; 4, *«Крестьянский самородок»*, *«Литератор»*].

Второй тип халтурщика – самый распространённый. К нему относятся ярко выраженные частники, «кустари», живущие на доход от литературной деятельности. Мотивация работы в литературе – жажда наживы, стяжательство материальных и нематериальных благ. Халтурщики второго типа встречаются во многих сферах литературы – есть халтурщики-поэты, халтурщики-драматурги, халтурщики-сатирики, халтурщики-сценаристы [5, *«Бледное дитя века»*, *«Полупетуховщина»*, *«Пьеса в пять минут»*, *«Король-солнце»*, *«Секрет производства»*; 6, *«Когда уходят капитаны»*, *«Я, в общем, не писатель»*, *«Любовь должна быть обоюдной»*; 8, *«Мой друг Ниагаров»*, *«Емельян Чернозёмный»*; 4, *«Практикант»*]. Они не гнушаются никакой литературной работой, напористы, наглы и бодро действуют под прикрытием официальных лозунгов вроде призыва к ударничеству в литературе [6, *«Мы уже не дети»*, с. 494]. Это их И. А. Ильф и Е. П. Петров называли мародёрами, халтуртрегерами, гарпунщиками и зверобоями [5, *«Ваша фамилия?..»*, *«Секрет производства»*; 6, *«Когда уходят капитаны»*].

К третьему типу писателей-халтурщиков можно отнести халтурщиков поневоле, то есть честных писателей, которых принуждает к созданию халтур

сама постановка дела. Применительно к литературе эта ситуация описана в фельетоне И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Бродят по городу старухи». Сюжет фельетона таков: официальное учреждение – журнал под условным названием «Самодетельное искусство» – предложило писателям издать в сборнике «Весна» произведение на деревенскую тему. Авторам надлежало выбрать тему из тематического плана и написать произведение на деревенскую тему в «штурмовой срок» – за пятнадцать дней. Конечно, писатели пришли к логичному выводу, что за такой срок получится сделать только халтуру [6, «*Бродят по городу старухи*», с. 254–258]. Относящаяся к театральной сфере ситуация отображена в фельетоне В. П. Катаева «Парадокс», где молодой драматург попадает в руки маститых театральных деятелей, обучающих его незамысловатым рецептам формального успеха пьесы – тому, какие темы надо освещать, каких персонажей выводить. Молодой автор за короткий срок становится умелым халтурщиком, способным писать подходящие для постановки в театрах пьесы [8, «*Парадокс*», с. 236–239].

Поскольку извлечением дохода из литературы на постоянной основе занимались только халтурщики второго типа, мы реконструировали их задачи и стратегии. Задачи писателей-халтурщиков до создания ССП в 1932 году и после него различались. До 1932 года главной задачей было извлечение из литературы материального дохода напрямую через публикацию произведений. Соответственно выстраивалась и стратегия: во-первых, литературная продукция должна быть безупречна с идеологической точки зрения и вызывать лояльность власти [6, «*Любовь должна быть обоюдной*», с. 286, 291], во-вторых, надо задействовать максимально злободневные темы [5, «*Ваша фамилия?..*», с. 460], в-третьих, нужно приносить свою продукцию в редакции газет и журналов тогда, когда её наверняка возьмут, скажем, накануне празднования годовщины Октябрьской революции [5, «*Бледное дитя века*», «*Король-солнце*»; 8, «*Мой друг Ниагаров*»].

После 1932 года задача изменилась и усложнилась, поскольку в соответствии с политикой власти в области искусства эпоха частников закончилась, необходимо было стать членом ССП и, таким образом, получить доступ к многочисленным льготам. Для этого всеми правдами и неправдами требовалось опубликовать книгу, без которой в ССП не принимали. Данную задачу выполняли двумя способами – через блат или взятку. В фельетоне И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Любовь должна быть обоюдной» описаны оба пути: в первом случае автор плохого романа подаёт директору издательства в ответ на отказ в публикации записку от некоего влиятельного знакомого и получает вожделенное согласие. Во втором случае автор предлагает издателю дефицитную бумагу по блату, издатель соглашается и в виде ответной услуги печатает плохую книгу автора. Напечатав книгу, автор-халтурщик становится членом ССП и получает все ожидаемые льготы [6, «*Любовь должна быть обоюдной*», с. 286, 288]. Мемуары, дневники, исторические документы показывали, что ССП и Литфонд воспринимались именно как «кормушки», до которых оказывалось необходимо всеми средствами добраться, а первый массовый приём в ССП 1934 года отличался достаточной мягкостью [1, с. 19, 22, 31, 49, 62–64].

Материалы сатиры также позволяют воссоздать задачи и стратегии игроков среднего масштаба – организаций и ведомств (в их роли могли выступать книжные издательства, журналы, театры, кинофабрики, радиокомитеты, научные институты, структурные подразделения крупных учреждений) [5, «*Ваша фамилия?..*», «*Бледное дитя века*», «*Великий лагерь драматургов*», «*Секрет производства*»; 6, «*Когда уходят капитаны*», «*Любовь должна быть обоюдной*»; 8, «*Парадокс*»]. Организациям и ведомствам государство тоже навязывало определённые условия игры в виде необходимости придерживаться идеологического консенсуса и оперативно реагировать на повестку дня, предлагаемую государством. Следовательно, задачей игроков среднего масштаба являлась публикация идеологически выдержанной литературной продукции. Однако произведений хороших писателей могло не хватать для покрытия спроса. Поэтому издатели, представители театров, кинофабрик и т. п., отдавая себе отчёт в низком качестве продукции «халтуртрегеров», шли на сотрудничество с последними, поскольку это был путь наименьшего сопротивления. Что касается организаций, задачей которых выступало отображение собственной производственной тематики в литературе, то для них сотрудничество с халтурщиками оказывалось практически неизбежным – серьёзных писателей вряд ли увлекали такие темы, как, например, сахароварение и соя [6, «*Когда уходят капитаны*»].

Помимо прочего, тексты И.А. Ильфа и Е.П. Петрова позволяют воссоздать следующие причины появления в печати литературной халтуры: личные слабости редакторов (легкомыслие, недалёкость), их недостаточная квалифицированность и корысть. Кроме того, редакторов направляло ещё одно значимое для того времени соображение: продукция халтурщиков казалась надёжной в самом важном – идеологическом плане [5, «*Бледное дитя века*», «*Король-солнце*»; 6, «*Любовь должна быть обоюдной*»]. В этом сатирики солидаризируются с литературным критиком А.К. Воронским, возлагавшим часть вины за публикацию халтурной продукции на редакторов.

Выводы

Подведём итоги. Игроки среднего масштаба отыскивали способ выполнять задачу поставки нужного объёма литературной продукции на требуемом идеологическом уровне. Их стратегия заключалась в ангажировании исполнителей, хорошо чувствовавших спрос государства и готовых к поточному литературному производству. В свою очередь, игроки-одиночки тоже нашли компромисс, позволяющий соответствовать навязанным правилам игры, при этом получая личную – в первую очередь материальную – выгоду от занятий литературой, и даже отчасти манипулируя игроками «среднего звена». Их стратегия состояла в приведении литературной продукции к соответствию с идеологическим каноном, злободневности тематики и своевременности ее предложения публике. Стратегии писателей менялись в зависимости от политической обстановки в стране. В качестве водораздела, после которого стратегии одиночных игроков заметно трансформировались, можно назвать 1932–1934 годы и два знаменательных события – роспуск независимых творческих организаций и основание

ССП. Литературные критики и сатирики называли разные причины публикации халтуры, обвиняя критиков, редакторов и писателей-единоличников. Однако сама постановка литературного дела и существующие литературно-критические теории (благоволение культурным суррогатам, теория социального заказа), подводящие базис под производство низкокачественной литературной продукции, тоже играли роль не менее весомых причин наличия халтуры в ранней советской литературе.

1. Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М., 2005. 408 с.
2. Гудкова В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М., 2008. 456 с.
3. Джамбул Джабаев: приключение казахского акына в советской стране: Статьи и материалы / Под редакцией К. Богданова, Р. Николози и Ю. Мурашова. М., 2013. 308 с.
4. Зоценко М. Собр. соч. в 3 т. Т. 1: Рассказы и фельетоны / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Ю. Томашевского. Л., 1986. 560 с.
5. Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2: Золотой теленок. Рассказы, фельетоны, статьи, речи (1929–1931). М., 1961. 559 с.
6. Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3: Рассказы, фельетоны, статьи, речи (1932–1937); Водевиль и киносценарии. М., 1961. 544 с.
7. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. 792 с.
8. Кагаев В.П. Собр. соч. в 10 т. Т. 9: Горох в стенку: юмористические рассказы, фельетоны; Почти дневник; Стихотворения; Спящий. М., 1986. 711 с.
9. Кларк К. РАПП и институализация советского культурного поля в 1920-х – начале 1930-х годов // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 209–225.
10. Критика 1917–1932 годов / Сост., вступ. статья, преамбулы и примеч. Е.А. Добренко. М., 2003. 459 с.
11. Мазаев А.И. О «Литературном критике» и его эстетической программе // Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.): проблемно-тематические очерки. М., 2001. С. 201–227.
12. Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Белая. М., 2001. 455 с.
13. Поздняков К.С. Литератор и «халтуртрегер»: проблема художественного высказывания в советской литературе 20-х – 30-х гг. XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. т. 16, № 2. С. 182–184.
14. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» 18 июня 1925 г. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm>.
15. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm>.
16. Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма: монография. Пермь, 2007. 312 с.

References

1. Antipina V.A. Povsednevnyaya zhizn' sovetskix pisatelej. 1930–1950-e gody. M., 2005. 408 s.
2. Gudkova V.V. Rozhdenie sovetskix syuzhetov: tipologiya otechestvennoj dramy 1920-x – nachala 1930-x godov. M., 2008. 456 s.
3. Dzhambul Dzhabaev: priklyuchenie kazaxskogo akyna v sovetskoj strane: Stat'i i materialy / Pod redakciej K. Bogdanova, R. Nikolozi i Yu. Murashova. M., 2013. 308 s.
4. Zoshhenko M. Sobr. soch. v 3 t. T. 1: Rasskazy i fel'etony / Sost., podgot. teksta, vstup. stat'ya i primech. Yu. Tomashevskogo. L., 1986. 560 s.
5. Il'f I.A., Petrov E.P. Sobranie sochinenij v 5 t. T. 2: Zolotoj telenok. Rasskazy, fel'etony, stat'i, rechi (1929–1931). M., 1961. 559 s.
6. Il'f I.A., Petrov E.P. Sobranie sochinenij v 5 t. T. 3: Rasskazy, fel'etony, stat'i, rechi (1932–1937); Vodevili i kinoscenarii. M., 1961. 544 s.
7. Istoriya russkoj literaturnoj kritiki: sovetskaya i postsovetskaya e'poxi / Pod red. E. Dobrenko, G. Tixanova. M., 2011. 792 s.
8. Kataev V.P. Sobr. soch. v 10 t. T. 9: Gorox v stenku: yumoristicheskie rasskazy, fel'etony; Pochti dnevnik; Stixotvoreniya; Spyashhij. M., 1986. 711 s.
9. Klark K. RAPP i instiutalizaciya sovetskogo kul'turnogo polya v 1920-x – nachale 1930-x godov // Socrealisticheskij kanon. SPb., 2000. S. 209–225.
10. Kritika 1917–1932 godov / Sost., vstup. stat'ya, preambuly i primech. E. A. Dobrenko. M., 2003. 459 s.
11. Mazaev A.I. O «Literaturnom kritike» i ego e'stetičeskoj programme // Iskusstvo i bol'shevizm (1920–1930-e gg.): problemno-tematičeskie očerki. M., 2001. S. 201–227.
12. Opyt neosoznannogo porazheniya: modeli revolyucionnoj kul'tury 20-x godov: Xrestomatiya / Sost. G.A. Belaya. M., 2001. 455 s.
13. Pozdnyakov K.S. Literator i «xalturtreger»: problema xudozhestvennogo vyskazyvaniya v sovetskoj literature 20-x – 30-x gg. XX veka // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2014. t. 16, № 2. S. 182–184.
14. Postanovlenie Politbyuro CK RKP (b) «O politike partii v oblasti xudozhestvennoj literatury» 18 iyunya 1925 g. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm>.
15. Postanovlenie Politbyuro CK VKP (b) «O perestrojke literaturno-xudozhestvennyx organizacij» 23 aprelya 1932 g. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm>.
16. Yankovskaya G.A. Iskusstvo, den'gi i politika: xudozhnik v gody pozdnego stalinizma: monografiya. Perm', 2007. 312 s.

UDC 930.85+82.09

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.127136

**PROFITABILITY OF LITERATURE:
ON HACK-WRITERS
AND THEIR CUSTOMERS
IN THE DISCOURSE OF SOVIET SATIRE
AND LITERARY CRITICISM
IN THE SECOND HALF OF THE 1920S –
THE FIRST HALF OF THE 1930S**

Vorobyova Mariya Vladimirovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
PhD (Theory of Culture), associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Annotation

The results of the analysis of works of Soviet satire and literary criticism of the second half of the 1920s – the first half of the 1930s are presented in this article. Strategies of players of different scale on the field of literature are shown; the main types of writers are reconstructed. Possible reasons for the publication of low-quality literary products have been identified.

Keywords:

hack-writers, ideological conditions, Soviet satire, Soviet literary criticism, literary process of the 1920s – the 1930s.